

Социальный комфорт в контексте трансформационных процессов в структуре современной российской повседневности

З.М. Хачецуков

Статья посвящена анализу основных подходов к изучению социального комфорта, его проявлений в пространстве повседневности с учетом современных российских реалий. Рассматриваются некоторые подходы к повседневности и основные подходы к сущности социального комфорта и его динамики.

Социальная философия с античных времен стремилась описать не только самый правильный и справедливый, но и самый удобный способ совместного проживания людей. Речь идет именно о постоянном проживании, каждодневном сосуществовании индивидов в социуме. Этот процесс принято называть «повседневностью». Говоря же об удобстве, часто используется понятие «комфорт». В современном мире вопрос удобства социального бытия становится актуальным по многим причинам. Прежде всего нужно отметить, что бесконтрольный рост комфортности жизни в западных странах привел к системному социокультурному кризису, имеющему массу негативных последствий, многим из которых еще предстоит себя проявить. Кризис общества потребления особо заметен на фоне увеличивающегося разрыва между странами запада и остальным миром, где уровень комфорта настолько низок, что мало кто использует данное понятие для характеристики этих обществ. На постсоветском пространстве в

этом аспекте крайне сложное и противоречивое положение.

С одной стороны, социологические исследования говорят об относительном повышении уровня социального самочувствия: осенью 2012 г. индекс самооценок материального положения вырос на два пункта (с 64 до 66%) за счет увеличения доли россиян, оценивающих свое материальное положение как среднее (с 70 до 72%). Для сравнения: год назад он составлял всего 54 пункта. По мнению аналитиков, россияне смотрят на жизнь достаточно оптимистично. С конца лета индекс социального оптимизма держится в узких пределах 61–63 пунктов. Доля тех, кто полагает, что будет жить лучше, колеблется в пределах 27–30% на протяжении последних четырех месяцев. Текущее значение показателя (63%) значительно превышает достижения аналогичных периодов прошлых лет (в среднем 55 пунктов)¹.

С другой стороны, можно говорить об общем недовольстве социальным положением и ходом преобразований в социальной сфере. В условиях

Хачецуков Заур Махмудович – к.фил.н., н.с. Южнороссийского филиала Института социологии РАН.
E-mail: xzm@list.ru

социальной модернизации вопрос комфортности социального бытия становится особенно актуальным. Трансформационные процессы должны привести к большему социальному благополучию, но это может произойти, только если представление о необходимом уровне и содержании социального комфорта россиян у проводящих модернизацию людей и у самого населения будут по большей части совпадать. Высокая социальная разобщенность российского социума и отсутствие четкой идеологической базы у руководства страны делают эту задачу практически невыполнимой. Для начала необходимо добиться в обществе солидарности по существенным компонентам комфортного социального бытия, хотя обеспечить удобство для всех представленных в нынешнем российском социуме социальных групп не представляется возможным ввиду взаимоисключающего противоречия их позиций. Одним из шагов на пути к преодолению этого противоречия должно стать научное исследование представлений о социальном бытии и его удобстве в современной России.

Повседневную жизнь социума характеризуют разные показатели, которые уже давно успешно изучают социальные науки. Однако повседневная социокультурная среда меняется быстрее, чем перестраиваются научные методологии, поэтому возникает потребность также и в переоценке положений ряда современных теорий. К проблеме повседневной жизни исследователи обращаются с самыми разными целями, желая проникнуть в суть разных аспектов жизни, истории и культуры. В данных работах противопоставляется субъективное переживание объективным процессам, длительные ритмы – однократным эпохальным событиям, подвижные формы рациональности – идеальным конструкциям и точным методам. «Обыденная жизнь» может стать названием для разнородных явлений и предлагаться как средство при решении целого ряда проблем: социальных, культурологических, гносеологических.

"Повседневное" – это то, что происходит "каждый день" и нас не удивляет. Мы обнаруживаем повседневность в форме рутины, привычки, многочисленных знакомых нам явлений. Повседневность обладает неким частным ритмом, в котором мы пребываем только в том случае, если используем рутину как средство собственной психологической разгрузки. Повседневные ситуации обычно не требуют явного определения. Повседневными являются ситуации, которые часто повторяются в столь похожей форме, что мы, исходя из принципа экономии силы, уже не воспринимаем их уникальности (которой они все же отчасти обладают)². Повседневность не всегда находилась в центре внимания исследователей. Только к XX в. в связи с появлением и развитием феноменологии один из ее основателей, Э. Гуссерль, обратил внимание на необходимость научного осмысления «сферы человеческой обыденности». И позднее он немало времени

посвятил идее «жизненного мира» – значимого для человека мира первоначальных истин, очевидностей, конституируемых в деятельности трансцендентальной субъективности, который отождествлял с повседневным опытом, субъективным, донаучным, естественным миром. Гуссерль, как показал Л.Г. Ионин, предложил отказаться от восприятия «мира, в котором мы живем», как изначально заданного и сосредоточиться на процессе складывания картины этого мира у людей, исходя из их стремлений, фантазий, сомнений, реакций на частные события, воспоминаний о прошлом и представлений о будущем³.

Немаловажную оценку повседневности можно найти и в работах А. Шюца, понимавшего повседневность как сферу взаимодействия с объективным миром и полагавшего, что на этой основе возникает и формируется в сознании и деятельности членов общества интерессубъективно категоризируемая объективность социальных процессов и явлений. Будучи одной из «конечных областей значений», она первична по отношению к другим сферам. «С самого начала, – писал Шюц, – повседневность предстает перед нами как смысловой универсум, совокупность значений, которые мы должны интерпретировать для того, чтобы обрести опору в этом мире, прийти к соглашению с ним»⁴. Повседневная реальность, по мнению этого автора, – единственно подлинная, все остальные – квазиреальности, они вторичны, в то время как повседневность, «верховная реальность» – та среда, в которой человек живет, трудится и в которую всегда возвращается.

Сточки зрения феноменологов, повседневность – естественная среда человеческого существования, концептуальный модус жизненной реальности, "жизненного мира" как создания человеческого сознания. Особенностью этой среды является ее самоочевидность, беспроблемность. Человек погружен в повседневную жизнь и не подвергает ее сомнению⁵. Значительный вклад в социологию повседневности внесла теория социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана, уделивших большое внимание социальному взаимодействию, во время которого и происходит «заучивание типизаций повседневных действий». В теории «социального конструирования реальности» речь идет о том, что социальная реальность сложным образом конструируется через систему коллективных представлений. В свою очередь механизм социального конструирования реальности состоит в соблюдении следующих четырех процедур: хабитуализации («опривычивания» или превращения в повседневность), типизации, институционализации и легитимации.

Не менее важны для социологического понимания повседневности работы по этнометодологии – социологии обыденной жизни, целью которой стало обнаружение «методов, которыми пользуется человек в обществе для осуществления обыденных действий», то есть анализ соци-

альных правил и предубеждений, процесса их формирования, истолкования одними людьми речи, поведения и жестов других⁶.

Е.В. Золотухина-Аболина, И.Т. Касавин, Н.М. Смирнова, С.П. Щавелев и другие отечественные исследователи повседневности развивают идеи А. Шюца о повседневности как «человеческом опыте, ориентациях и действиях, посредством которых люди осуществляют свои планы, дела и интересы, манипулируя объектами и общаясь с другими людьми»⁷.

Для российских исследователей «жизненный мир» – более широкая категория, частью которой является «повседневность», основанная на динамических стереотипах и повторяющихся действиях. Е.В. Золотухина-Аболина, в частности, отмечает, что наряду с напряженным, бдительным вниманием в нашем ежедневном бытии есть и другой, противоположный пласт опыта. Это скрытый, косвенный опыт, хотя и ежеминутно присутствующий рядом с ясностью осознания, опыт «повседневного бессознательного», которое как тень сопровождает всякий акт сознания⁸.

Исследователи также выделяют два подхода к повседневности – онтологический, исходящий из содержательных характеристик повседневности, наполняющих ее предметов, действий, поступков, повторяющихся до цикличности и психолого-эпистемологический – фиксирующий внимание исследователя на переживаниях, ощущениях – субъективных измерениях указанных характеристик. Предсказуемая, ожидаемая, вечная, нерелексированная среда, окружающая человека, – вот чем предстает повседневность перед исследователями. Можно также отметить, что повседневность несет в себе важные функции по стабилизации общества, трансляции социокультурного опыта, сохранению человека и его психики, воспроизводству культуры. В то время как сфера неповседневного, уникального отвечает за развитие, инновации, движение вперед и смену состояний. Таким образом, можно сказать, что повседневность – это форма существования социальной реальности, поле социальных взаимодействий, образ реальности, содержащий стабильные личностные основания деятельности человека.

В переживании этого существования важную роль занимает ощущение удобства окружающей среды. Оценка ее комфортности существует на всех уровнях – от индивидуального и до глобального. Нам же интересуют общественный уровень, оценка комфортности на уровне общества как среды. Комфортную повседневность социального бытия можно понимать в двух значениях: прежде всего как повседневное существование, наполненное удобствами, удовлетворяющими социальные нужды населения; в более широком смысле комфорт следует понимать как удобную для человека среду обитания и саму по себе оценку удобства этой среды.

Как и с повседневностью, здесь есть два под-

хода – исследование сущностных характеристик самой среды и исследование ощущения субъекта от восприятия этих характеристик. Говоря о социальном комфорте, в качестве среды следует понимать общество, а в качестве субъекта – индивида или социальную группу. Важно отметить, что комфортность среды, не прошедшей хабиитуализацию и не ставшей повседневностью, будет сильно отличаться от комфорта повседневной жизни. Оценка удобства неординарных, «пиковых» состояний среды представляет собой несколько иной процесс, в психологии исследуемый в контексте стрессовых реакций и пограничных состояний. В области социального это место занимает дискурс кризиса, переломных моментов, разрыва цепи преемственности культурных паттернов.

Однако, несмотря на то что мы сосредоточились на исследовании именно повседневных характеристик среды, специфика современного общества, а следовательно, современной повседневности не позволяет нам исключить данную проблему из поля исследовательского интереса. Возникновение комфорта связано с взаимодействием субъекта и среды, особенно в процессе превращения данной среды в повседневный его жизненный мир, привычный и повторяющийся. В этом ключе важную роль для понимания комфорта играет процесс адаптации субъекта к среде, а именно его социальной адаптации. Ее принято считать одним из механизмов социализации, однако в контексте повседневности мы будем говорить об адаптации как о молекулярном, постоянном процессе приспособления к окружающей среде, в данном случае – к обществу.

В бытовом смысле для этого принято использовать понятие «привыкание». Именно явление привыкания играет важную роль в анализе проявлений динамики социального комфорта. Объяснительный потенциал теории социальной адаптации наиболее адекватен некоторым процессам изменения социальной комфортности. Приспособление индивида к обществу, усвоение им последовательности повторяющихся явлений ведут к более адекватной реакции на характеристики среды, удобство общения со средой увеличивается, все больше элементов среды хабиитуализируются и становятся частью повседневности. Таким образом, можно утверждать, что социальный комфорт представляет собой степень адаптированности субъекта (индивида или социальной группы) к социуму. Все еще требует объяснения механизм увеличения удобства для субъекта. Для этого следует использовать объяснительный потенциал ряда понятий, связанных с понятием «потребность».

Говоря о потребностях, мы придерживаемся теории А. Маслоу о наличии в их среде иерархии, а также деления потребностей на базовые и вторичные. В системе А. Маслоу потребностям соответствуют некие ценности – предметы, явления, способные удовлетворить

данные потребности и также выстраиваемые в иерархии. Нужно отметить, что можно выделять как единую иерархию всех потребностей, так и подразделять потребности на виды (материальные, духовные, социальные) и выстраивать среди них собственные иерархии. Однако большинство потребностей, так или иначе, могут быть включены в общую «пирамиду». Для понимания явления комфорта дуализма «потребность» – «ценность» недостаточно. Мы предлагаем использовать триаду «потребность» – «способность» – «возможность».

В данной системе «способность» понимается как индивидуальная особенность личности, являющаяся субъективным условием успешного осуществления определенного рода деятельности, а «возможность» как тенденцию развития, потенциально состояние. Проходя адаптацию к среде, субъект изучает наличие в среде возможностей, осознает потребности и сопоставляет с данными элементами свои способности. Это приводит к высокой вероятности удовлетворения потребностей субъекта. Успешная адаптация приводит к корреляции всех компонентов. Первым таким компонентом являются потребности и степень их удовлетворенности. Вторым элементом – способности и степень их применимости. Третий – возможности и степень их реализации. Баланс этих составляющих очень важен для оптимального развития общества и, следовательно, его комфортности. Важно отметить, что базовые потребности, а также способности и возможности сами по себе не могут быть оценены по критерию комфортности, поскольку являются изначально частью повседневности.

Таким образом, социальный комфорт может пониматься как степень тождества потребностей, способностей и возможностей во взаимодействии субъекта и общества. Вопрос о первичном элементе как триады, так и диалектической пары «потребность»–«ценность» является крайне интересным, хотя и спорным. Мы придерживаемся мнения о первичности именно «ценности» как объекта среды, которая и формирует потребность после получения субъектом данных о характеристиках данного объекта. Что касается базовых потребностей, то данные объектов, их удовлетворяющих, можно считать априорными и наследуемыми генетически. То есть в сознании должен сформироваться образ должного и образ реального. Их сравнение (верификация) и дает оценку комфорта. Отсюда, опираясь на теорию социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана, мы исходим из понимания комфорта как категории оценки процесса верификации образа реального и образа желаемого в сознании личности либо малой группы (микроуровень) или социума (макроуровень).

Не следует отождествлять эту пару образов со сложившейся парадигмой разделения «социальной реальности» и «социальной действительности». На самом деле оба образа соотносятся с «социальной реальностью», в то время как

«социальная действительность», объективная по определению, остается за рамками оценки комфортности. Верификация между «социальной действительностью» и «социальной реальностью» имеет место и происходит на уровне постоянного обновления образа реальности. Что касается образа желаемого, он обновляется в результате рефлексии полученного социального опыта на основе сложившейся аксиологической модели, а также в результате процессов социализации и инкультурации (либо аккультурации), способных к прямому импринтингу элементов или полному импортированию данного образа.

Важно понимать, что социальный комфорт представляет собой характеристику состояния заявленных процессов и может быть представлен в виде показателя шкалы социальной комфортности. Минимальной границей данной шкалы является полный дискомфорт – характеристика взаимодействия субъекта и социума, представляющая собой низкую социальную адаптацию, удовлетворение только витальных потребностей и высокую степень расхождения образов желаемого и действительного. Такое общество принято называть «обществом выживания». Предельной точкой данной шкалы является «общество комфорта», уровень комфортности в котором максимален. Важно понимать, что данная точка шкалы не является идеалом. Отсутствие нереализованных потребностей, полная удовлетворенность и отсутствие необходимости адаптации не оставляют потенциала для развития и лишают субъект и общество в целом стимула к совершенствованию. Таким образом, нужно говорить о наличии «меры социального комфорта», особой для каждого общества. Поиск и приближение к данной мере является наиболее важной задачей в данном контексте.

Необходимо заметить, что социальный комфорт не находится в статике. Изменения среды и субъекта постоянно меняют его содержание. Также нужно отметить тот факт, что в одном и том же обществе существует масса субъектов со своими наборами потребностей и способностей, разным уровнем социальной адаптации и разными образами как желаемого, так и реального. Тем не менее основные факторы динамики социального комфорта являются общими для большинства субъектов. Прежде всего речь идет о каналах взаимодействия со средой. В процессе познания образ реальности (конструируемая социальная реальность) сравнивается с социальной действительностью и в образ вносятся коррективы. Не последнюю роль тут играют информационные фильтры, искажающие процесс познания.

Другим фактором являются процессы социализации и инкультурации, изменяющие не только образ реального, но и формирующие образ социального идеала, а зачастую, через использование идеологических практик, происходит инпринт данного образа. Надо отметить, что данные процессы корректируют образ ре-

■ Социология

альности и образ социального идеала у субъекта по образцу аналогичных образов более крупной социальной группы (индивид перенимает образы малой группы, малая группа – большой и так далее), хотя зачастую активный субъект, наоборот, может распространить свой социальный идеал на более крупную группу.

Также следует обратить внимание последствия проявления социального комфорта. Уровень социального комфорта является одним из сильных источников мотивации человеческой деятельности. Осознавая чрезмерно низкий либо чрезмерно высокий уровень социального комфорта, субъект может предпринять два варианта деятельности:

– во-первых, процессу корректировки может быть подвергнут социальный идеал для большего соответствия образу реальности;

– во-вторых, деятельность субъекта может быть направлена на коррекцию среды для повышения соответствия образа реальности образу социального идеала.

Можно заметить, что оба этих процесса могут протекать как параллельно, так и последовательно, сменяя друг друга в зависимости от процесса развития субъекта. Первый вариант можно обозначить как прагматизм. Второй – как духовность. Также нужно подчеркнуть, что коррекции во втором случае подвергается именно социальная реальность, а не социальная действительность, что позволяет говорить о возможности явления заблуждений, виртуальной духовности.

Современное общество делает дискурс социального комфорта крайне многофакторным и сложным. Хотя именно оно дало нам представление о предельном значении шкалы комфортности в виде феномена общества потребления. Представление об удобстве как об удовлетворении потребностей является самым ранним и самым устоявшимся в бытовой и научной мысли. Явным, но отнюдь не обязательным выводом из данного понимания является гедонизм во всех его проявлениях. XX столетие породило идею об удовлетворенности как синониме благополучия, когда рост потребления стал отождествляться с прогрессом.

Такого рода прогресс особенно заметен за счет явного контраста с большим количеством социумов, находящихся на стадии выживания, что давно понимают и на самом Западе⁹. Общество потребления концентрируется на удовлетворении в основном материальных потребностей, но проблема даже не в этом. Проблема – в отсутствии иных потребностей, отсутствии потенциала к развитию. Все больше мыслителей в западной философии приходят к выводу: отсутствие необходимости в преодолении неудобств и проблем является не меньшим злом, чем нехватка ресурсов для их реализации¹⁰.

Возникновение и распространение в странах «общества комфорта» таких явлений культуры, как «дауншифтинг», «выживизм», экстремаль-

ный спорт, свидетельствуют об остром переживании нехватки возможностей для реализации способностей еще до осознания потребности таковых. Даже различные гуманитарные миссии (врачи без границ, волонтерство), которые так популярны на Западе в качестве образца «гуманизма», во многом могут быть объяснены в контексте стремления понижения комфорта. Общества выживания в данном дискурсе имеют еще одну причину для ухудшения уровня своей социальной комфортности. Наличие стран Запада и средств массовой коммуникации обрушивает на них поток информации о «возможностях», тем самым формируя не свойственные их среде потребности, на реализацию которых у них нет и не может быть способностей.

Современное российское общество в плане понимания такого рода конфликта очень разобщено. Существовая в разных экономических, культурных, социальных условиях, члены разных социальных групп имеют разные представления о социальном бытии, разные иерархии потребностей, пользуются разными наборами возможностей и способностей. Можно заключить, что социальная реальность современного российского общества носит фрагментарный характер. Ситуация, когда элиты и основное население живут в разных социальных условиях, при этом пребывая в одной социальной действительности, характеризуется сильным социальным дискомфортом. Управляя обществом, элиты исходят при выборе стратегии из своего представления о данном и должном, определяя на основании этого план действий. Однако, как мы уже упоминали, данные представления различны у разных социальных групп, а следовательно, направленные на благо действия могут восприниматься жителями другой социальной реальности как угроза и попытка вреда.

Еще одним обстоятельством низкой социальной комфортности российского общества является общая экономическая ситуация. Объем материальных потребностей, удовлетворяемых населением в среднем не намного превышает уровень витальных потребностей, то есть речь идет о балансировании на грани выживания. Такое существование характеризуется высокими рисками, а значит, низким уровнем развития способностей и малым диапазоном возможностей.

Таким образом, социальная комфортность российского общества довольно низкая. Уровень удовлетворения потребностей – на грани витальных, спектр возможностей крайне ограничен нестабильностью и высокими рисками, ресурсов для развития способностей крайне мало. При этом важно отметить качественные характеристики образа должного в сознании личности. За счет исторической памяти в сознании россиян еще сильны образы прошлого, декларирующие более высокий социальный комфорт именно по соотношению потребности–способности–возможности.

Khachetsukov Z.M. Social Comfort in the Context of the Processes of Transformation in the Structure of Modern Russian Everyday Life.

Summary: *This article analyzes the main approaches to the study of the social comfort, its manifestation in*

the space of everyday life within the modern Russian reality. Some approaches to the everyday life and the main approaches to the nature of social comfort and its dynamics are diseased.

Ключевые слова

Социальный комфорт, повседневность, адаптация, потребность, образ социального идеала, образ социальной реальности.

Keywords

Social comfort, everyday life, adaptation, the need, the image of the social ideal, image of social reality.

Примечания

1. См.: ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2166. «Социальное самочувствие россиян». <http://wciom.ru/index.php?id=515&uid=113376>
2. Касавин И.Т. Повседневность в контексте феноменологической социологии // Социемы. 2003. № 9. Url: <http://csp.ispn.urfu.ru/usu/>
3. См.: Ионин Л.Г. Понимающая социология. Историко-критический анализ. М., 1979. С.116.
4. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социс. 1988. № 2. С. 130.
5. См.: Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2002. Url: <http://rudocs.exdat.com/docs/>
6. См.: Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. С. 12.
7. Смирнова Н.М. Альфред Шюц на книжной полке // Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 1040.
8. Золотухина-Аболина Е.В. Повседневность: философские загадки. Киев: Ника-Центр, 2006. С. 29.
9. См.: Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004; Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
10. См.: Ливрага Х.А. Общество комфорта и философия риска // Новый Акрополь. 2003. № 1; Мелюхин И.С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. М., 1999; Кляйн Н. No Logo. Люди против брэндов. М., 2003.